

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25:930.85:008

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-7-46

АКСИОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА В ГУМАНИТАРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Ольга Игоревна Костикова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: olga.kostikova@list.ru

Аннотация. Переводческая деятельность — ответ на социальную потребность в межкультурной коммуникации в условиях языкового дискомфорта, обусловленного многоязычием, разницей культур и, как следствие, ситуацией взаимного непонимания. Это инструмент налаживания диалога культур в эпоху глобализации, характеризующейся активизацией разновекторных контактов, исход которых неоднозначен. Профессия переводчика в настоящее время подвержена серьезным мутациям: активное развитие коммуникационных технологий и повсеместная цифровизация, открывая широкие перспективы для развития и использования искусственного интеллекта, ставят под сомнение востребованность в будущем услуг, оказываемых билингвами и полиглотами с естественным человеческим интеллектом. Системное изучение формирования и функционирования в общественном сознании ценностных доминант в отношении переводческой деятельности в русле трансдисциплинарной парадигмы науки о переводе предполагает подход, основу которого составляет аксиологическая методология. Обращение к опыту предшественников позволяет установить неразрывную связь переводческой деятельности со всей жизнью общества, место и роль перевода в развитии культур. Обращение к теории ценностей в качестве концептуальной основы исследования продуктивно для выявления культуротворческой функции перевода, осмысление которой актуально во времена социокультурных мутаций, обусловленных развитием цифровизации и сигнализирующих об опасности гуманитарного кризиса.

Ключевые слова: аксиология перевода, оценка, ценностные константы, перевод, ценность, цифровизация, наука о переводе, трансдисциплинарность

Для цитирования: Костикова О.И. Аксиология перевода в гуманитарной перспективе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 4. С. 7–46. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-7-46

Статья поступила в редакцию 20.10.2024;
одобрена после рецензирования 01.11.2024;
принята к публикации 03.11.2024.

AXIOLOGY OF TRANSLATION: A HUMANITARIAN PERSPECTIVE

Olga I. Kostikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: olga.kostikova@list.ru

Abstract. Translation is a response to the social need for interlingual communication in the context of linguistic discomfort caused by multilingualism, cultural differences and, as a consequence, situations of mutual misunderstanding. It is a tool for establishing a dialogue of cultures in the era of globalization, characterized by the intensification of multidirectional contacts, the outcome of which is ambiguous. The profession of interpreter is currently subject to serious mutations: the active development of communication technologies and widespread digitalisation, opening up broad prospects for the development and use of artificial intelligence, call into question the future demand for services provided by bilinguals and polyglots with natural human intelligence. The systemic study of the formation and functioning of value dominants in the public consciousness with regard to translation activity in the context of the transdisciplinary paradigm of translation science presupposes an approach based on axiological methodology. Appeal to the experience of predecessors makes it possible to establish the inseparable connection of translation activity with the whole life of society, the place and role of translation in the development of cultures. Appealing to the theory of values as a conceptual basis of the research is productive for revealing the cultural creative function of translation, the comprehension of which is relevant in times of socio-cultural mutations caused by the development of digitalisation and signalling the danger of humanitarian crisis.

Keywords: translation axiology, evaluation, value constants, translation, value, digitalisation, translation studies, transdisciplinarity

For citation: *Kostikova O.I.* (2024) Axiology of Translation: a Humanitarian Perspective. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda.* — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 7–46. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-7-46

The article was received October 20, 2024;
approved after reviewing November 01, 2024;
accepted for publication November 03, 2024.

Введение

Гуманитарные науки играют ключевую роль в развитии общества. Они закладывают основы нашего понимания мира, направляют развитие культуры, обеспечивают преемственность духовно-нравственных ценностей, помогают осмыслить достижения и ошибки человеческой цивилизации, изучая человека в сфере его духовной, умственной, нравственной, культурной и общественной деятельности.

Каждая эпоха, любые открытия диктуют не только правила поведения общества, общественные нормы, но и вызовы, которые общество осваивает и живёт ими (Садовничий, 2021: 367). В условиях стремительного технологического прогресса, неоднозначных последствий глобализации, быстро меняющейся геополитической ситуации актуальность и значение гуманитарных наук трудно переоценить. Они направляют наше осознание культурных, социальных и этических аспектов жизни, которые не всегда могут объясняться точными науками.

Внимание к гуманитарным наукам — устойчивая традиция Московского университета. Первые 100 лет своего существования Московский императорский университет был по преимуществу гуманитарным. Что касается естественно-математического образования в университете, то оно стало приобретать черты, формы организации и содержание, соответствующее высшему университетскому образованию только с середины XIX века (Садовничий, 2021: 77–78). Важнейшую роль в становлении и развитии Московского университета на первых порах сыграла переводческая деятельность его профессоров, выпускников и студентов¹. Это свидетельствует

¹ См. статью Н. Гарбовского в этом номере журнала.

об особой значимости перевода как специфической деятельности человека, способного приносить общественную пользу благодаря своему когнитивному потенциалу и особому коммуникативному дару. Переводческая деятельность и перевод как объект одной из гуманитарных научных дисциплин — науки о переводе — в фокусе внимания данной статьи.

Аксиологический вектор гуманитарных исследований

В современных гуманитарных исследованиях, в частности культурологии, педагогике, лингвистике, чётко прослеживается аксиологический вектор: изучение ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни. Отмечается операциональность такого подхода, его широкая распространённость, способность отразить те трансформации культуры, которые не поддаются исчислениям (см. Костина, 2020: эл. ресурс).

Интерес к данному подходу и его возможностям вызван преобразованиями социокультурного пространства на фоне новых вызовов, обусловленных рядом факторов.

Так, по мнению учёных, распространение в 1990-е годы модели глобализации привело к постепенной утрате интереса к высоким ценностям и смыслам жизни, а также к «процессу институционального расчеловечивания» (Агеев, 2019). Высвобождение низких человеческих инстинктов, формирование различных психологических и физических патологий во многом были вызваны теми принципами, на которых основывалась модель экономики этого периода. Эти тенденции получили своё воплощение в пренебрежении идеальным, его очернении и высмеивании, подмене культуры вплоть до попыток полной ее отмены. Многие плоды глобализации оказались отравлены, и сегодня это проявляется со всей очевидностью.

В процессе глобализации обнаружилось фундаментальное противоречие между нарастающей трансформацией человечества в единое целое в финансово-экономическом и технологическом отношении и сопровождавшим этот процесс углублением и расширением разделения человечества в отношении духовном и культурном. «Прогресс производительных возможностей человека, достигший общепланетарных масштабов и вплотную приблизивший его к тому, чтобы управлять природными основами своего существования... оборачивается ростом культурного изоляционизма, всплеском этнонациональных идентичностей и конфликтов, обра-

щением к «корням», средневековым и даже языческим традициям» (Гусейнов, 2010: 61).

Эти тенденции усугубляются тем, что повсеместная включенность человека в глобальную информационно-коммуникационную сеть обратилась «не только возможностью установления контактов с другими людьми и культурами, но и растущей сетью зависимостей», предоставив инструменты для манипуляции сознанием, для управления человеком, для производства дезинформации в больших масштабах (см. подробнее: Лекторский, 2012: 124).

Переход мирового сообщества к «цифровой» эпохе носит революционный характер, а связанные с ним преобразования касаются самых разных сторон общественной жизни — от развития социальных институтов до организации повседневной жизни личности; они проникают в разные виды искусства, видеоизменяют различные виды профессиональной деятельности. Возникают вопросы — как осуществить цифровой переход со всеми вытекающими последствиями для безопасности, суверенитета и качества жизни, и каким может быть результат этого перехода, какое общество возникнет в результате этих перемен и изменится ли человечество. Ещё в начале 80-х годов прошлого века в научных кругах прогнозировалось наступление эры «бесбумажной информатики» и обсуждались возможности творческой системы «человек — искусственный интеллект», которая «позволит изменить во многом структуру человеческой деятельности в направлении резкого повышения уровня интеллектуальной работы» (Пекелис, 2023: 270). Сегодня, оценивая перспективы цифровой трансформации, эксперты констатируют явные изменения человека, культуры и условий жизнедеятельности. И выражаются они в перестройке мышления, восприятия, коммуникации, языка, жизненного пространства, социализации (см. Касавина, 2019).

На фоне этих изменений учёные стремятся выявить, определить, оценить и упорядочить ценности, которые имеют значение для современного человечества и будут ключевыми для его будущего развития.

Перевод как феномен культуры: прогнозы и перспективы

Человек живёт в мире культуры и постигает её, овладевая ею. Культура в самых разных своих воплощениях от культурного ландшафта до духовной культуры, не является производным жизнедеятельности представителей какой-то одной цивилизации,

достоянием какой-то одной нации или одного этноса. В мире царит культурное разнообразие; каждая культура имеет свои уникальные ценности, традиции, языки и образ мышления, которые оказывают глубокое влияние как на формирование индивида, так и на образовательные процессы. Несмотря на то, что разные культуры с их системами ценностей в разное время так или иначе соприкасались друг с другом, ещё до недавних пор они могли существовать до определённой степени изолированно друг от друга. Но развитие глобализации в самой своей сути предопределило невозможность какой бы то ни было изоляции, а упомянутые выше проявления культурного изоляционизма, фундаментализма и национализма сегодня скорее рассматриваются как «побочные продукты глобализации» (Лекторский, 2012: 124).

В этих условиях на первый план выходит вопрос о манифестации толерантности во взаимоотношениях культур. Такой подход воплотился в идее мультикультурализма, который по признанию исследователей «не срабатывает, так как каждая культура по своей природе является экспансионистской, навязывая свои смыслы другим» (Лекторский, 2010: 107). Помочь избежать конфликта или столкновения культур в этой ситуации призван диалог культур, который несмотря на всю очевидную метафоричность понятия, необходимо постоянно налаживать. Задача эта непростая, ведь диалог предполагает наличие взаимопонимания, которое в свою очередь невозможно без общности некоторых ценностных позиций, без взаимного принятия общих способов ведения рациональной дискуссии. Один из путей решения этой задачи — постоянная практика межъязыковой коммуникации, воплощённая в частности в переводческой деятельности. Великая миссия перевода — это то, что дано именно человеку — быть посредником между «своим» и «чужим», стремиться к взаимопониманию на стыке тех различий, которые мы ощущаем наиболее остро.

Между тем, активное развитие когнитивных наук, коммуникационных технологий, возможности автоматизации и распространения цифровизации, открывая широкие перспективы для развития и использования искусственного интеллекта и автоматизации интеллектуального труда, а возможно и повышения его уровня, как мечтали наши предшественники, ставят под сомнение востребованность в будущем услуг, оказываемых билингвами и полиглитами с естественным человеческим интеллектом.

И хотя в краткосрочной перспективе будущее профессии переводчика не вызывает сомнений, содержание профессииграммы

регулярно обсуждается и уточняется с учётом технологических и социально-экономических изменений. Ещё 15 лет назад звучали опасения, что совершенствование технологических инструментов, призванных облегчить работу переводчиков, может поставить под угрозу существование профессии (Ségard, 2009). 10 лет назад в своих прогнозах исследователи определили перевод на 265-е место среди 702 профессий, подверженных полной или частичной автоматизации с коэффициентом вероятности 0,38 (Frey, Osborne 2013: 62). Редакции «Атласа новых профессий», разработанного экспертами инновационного центра «Сколково», демонстрируют явную зыбкость прогнозов относительно будущего перевода, перспектив его роботизации и в то же время однозначную стабильность в оценке значимости *мультиязычности* и *мультикультурности* как *над-профессиональных навыков* в профессиях будущего. (см. Атлас..., 2014, 2015, 2020).

Диверсификация переводческой деятельности, произошедшая относительно недавно и за очень короткий промежуток времени — в контексте общей истории переводческой деятельности, насчитывающей не одно тысячелетие, — свидетельствует о нарастании скорости изменений, свойственных современной культуре в целом: ощущается феномен сжатия времени как постоянного уплотнения временного отрезка событиями (Миронов, 2019: эл. ресурс).

В свете вышеизложенного релевантной для современных исследований по теории, методологии и дидактике перевода, составляющих основу современной науки о переводе, представляется попытка осмысления и оценки роли человеческого фактора в межъязыковой коммуникации. Для этого необходимо разобраться в вопросах деонтологии перевода, построить модели взаимодействия в системе человек — искусственный интеллект, репрезентативные для межкультурной коммуникации и создания многоязычных контентов, а также спрогнозировать социальную востребованность перевода как деятельности в целом и человека-переводчика в частности. В этом направлении ведутся исследования (см. напр.: Gao, 2020; Гарбовский, Костикова, 2019; Фролов, Иовенко, 2021; Cadwell et al., 2018; Hassan et al., 2018; Lee & Yun, 2020; Macken et al., 2020; Massey, 2021; Mossop, 2006; Sánchez, Trigo, 2020; Toral, 2019; Venuti, 2019), множатся дискуссионные форумы, частично или полностью посвящённые этим вопросам².

² Среди них: 25-я ежегодная конференция Европейской ассоциации по вопросам машинного перевода (Шеффилд, июнь 2024 г.), международные конференции CIUTI «Искусственный интеллект & межкультурный интеллект. Действие

Общим для этих исследований, дебатов и разысканий оказывается понятие ценности перевода, представление о переводе, как о благе, вопрос о реализации ценности перевода — его полезности, о приемлемости его качества и вариативности оценки.

Ценность и оценка как основные категории аксиологии

Вопросы, связанные с природой ценностей, их структурой и местом в реальности, с тем, как различные ценности соотносятся друг с другом, каково их значение для общества и отдельной личности в контексте её взаимоотношений с окружающим миром, изучаются в рамках одного из разделов философии — *аксиологии*.

С гносеологической точки зрения ценностные отношения являются определённым видом отражения действительности в нашем сознании. Когда мы стремимся что-то осознать, мы можем сделать это двумя способами: или попытаться понять истину о некоем объекте реальной действительности, или определить его ценность, т.е. оценить, какое значение он имеет для нас. Иными словами, отражение действительности в сознании человека осуществляется в двух формах — познавательной либо ценностной: или мы устанавливаем истину о том или ином явлении, или его значимость. Как в познавательном отношении достигается знание либо выявляется истина о свойствах предметов, так в ценностной форме отражения определяется значение предметов с точки зрения их способности удовлетворить какую-либо нашу потребность, интерес, послужить для каких-то целей.

Философское понятие «ценность» отражает именно значение, качественное или количественное, а не товарную стоимость какого-либо объекта. Например, мы говорим о художественной ценности произведения искусства, и это не то же самое, что его цена. Иначе

и взаимодействие в переводе и по ситуации» (Париж, 2020), «Трансформация модели переводческой деятельности: открытость и интеграция» (Шанхай, 2024). В марте 2020 года в Московском университета прошла 6-я международная конференция «Наука о переводе сегодня», посвящённая теме «Перевод и конкуренция интеллектов» (Москва, март, 2020). С 2019 года Российская академия образования совместно с МГУ имени М.В. Ломоносова ежегодно проводит международный семинар «Дидактика перевода в цифровую эпоху». В 2014 году Международная федерация переводчиков предложила специалистам в области межъязыковой коммуникации задуматься о будущем своей профессии, посвятив XX юбилейный Конгресс изучению вопроса: «Человек или машина?»; в грядущем 2025 году предложенная для XXIII Конгресса федерации тема развивает заданное направление в оптимистичном ключе: «Взаимодействие с машиной: на пути к интеллектуальному будущему».

говоря, ценность — духовно-эстетическая категория, в то время как цена — экономическое, товарно-денежное понятие.

И познавательные, и ценностные отношения — это вид отражения действительности в сознании человека, индивида. Но если через познание происходит постижение природы самого объекта, его собственной сущности, то в ценностном отношении устанавливается именно значение предмета, его свойств для человечества. Поэтому значение отражает не только свойства объекта, но и свойства того человека, индивида (группы индивидов), которые вступают с этим объектом во взаимодействие, устанавливая его значение, подвергая его оценке. Оценка же есть представление, понятие или суждение о значении. Она может быть как положительной, так и отрицательной, в отличие от ценности, которая всегда положительна. Ценность возникает в структуре ценностного отношения объект — человек (или объект — субъект) как положительное значение объекта для человека с точки зрения его способности удовлетворить какую-либо потребность, возникшую в его жизнедеятельности.

Итак, хотя познавательные и ценностные отношения являются формой отражения действительности в сознании человека, объективное познание и суждение о значении не одно и то же. Объективная истина одна, а значение одного и того же объекта, в том числе и истинно познанного, — значение, которое сильно зависит от психофизических, социальных и прочих установок субъекта, может претерпевать и качественные, и количественные изменения во мнении разных людей в разное время в разных ситуациях.

История перевода свидетельствует, что оценке перевода — одного из самых древних и постоянно востребованных во все века видов интеллектуальной деятельности — свойственна высокая степень вариативности, что отчасти может объясняться множественностью форм и сфер его бытования.

Полиморфизм перевода

Французский теоретик перевода Эдмон Кари высказал мысль, объясняющую, почему попытки оценивать перевод неизбежно обречены на неуспех: «...понятие перевода сложно, потому что оно беспрестанно менялось на протяжении столетий. Возможно, именно это было причиной затруднений для многих авторов, которые, размышляя и соглашаясь с мнением предшественников либо оспаривая его, не замечали, что не всегда говорили об одном и том же» (Cary, 1986: 81). Если это так, то к множественности человеческих

потребностей и способов чувствования, которые объясняют существование разнообразия оценок, добавляется ещё и проблема многообразности или полиморфности самого объекта оценки.

Действительно, слово «перевод» и его производные отсылают к различным и постоянно меняющимся реалиям. Множественность форм и сфер бытования перевода — *полиморфизм* — изрядно осложняют задачу дать единое и всеобъемлющее определение этому явлению.

Где пролегают границы, отделяющие перевод от других видов межъязыкового посредничества? Будут ли к нему относиться смежные виды деятельности, такие как составление комментариев, глоссариев, двух- или многоязычных словарей, терминологических справочников и т.п.? Каков в этой связи статус адаптации и подражания? Можно ли, например, рассматривать как перевод творчество Чосера или Жуковского, которое находилось на стыке личного авторства, перевода и адаптации? Показательна в этой связи ремарка Ричарда Бентли о переводе «Илиады» Гомера, выполненном Александром Поупом (1688–1744): «Славные стихи, мистер Поуп, но это не Гомер». Или комментарий В.К. Третьяковского по поводу «собственных» творений А. Сумарокова, в частности трагедии «Гамлет», опубликованной в 1748 г., где имени Шекспира названо не было: «...Нет, почитай, ничего в сочинениях авторовых, которое не было б чужое... Язвительная его комедия не его, да Голбергова... Гамлет — Шекспиров» (см. Гарбовский, Костилова, 2021: 11). Если первый винит поэта в том, что тот выдаёт собственное творчество за чужое, то второй, напротив, в том, что чужие творения заимствуются при создании своих.

Осуждения творцов-переводчиков за условную верность и явную дерзость или, напротив, за условную самостоятельность и явную подражательность в истории перевода не редкость: камнем преткновения оказываются всё та же неопределённость границ перевода и отсутствие единства в понимании его сути, а точнее, изменения в понимании в зависимости от эпохи, идеологии, состояния словесности и уровня развития принимающей культуры, литературных вкусов и т. п. После появления сумароковского «Гамлета» с середины XVII в. освоение творческого наследия Шекспира в российской словесности шло достаточно активно. Но литературный статус результатов этого освоения как в определениях самих авторов русскоязычных версий, так и в суждениях критиков неоднозначен: «переводы» и «переложения», «перифразы» и «переделки» — большинство этих версий были далеки от оригинала, а

«перевод» осуществлялся с языков-посредников — французского или немецкого, которые пользовались в то время в России большей популярностью, чем английский. Десятилетия спустя М.П. Погодин горестно заметит: «Не стыд ли литературе русской, что у нас до сих пор нет ни одной его <Шекспира> трагедии, переведённой с подлинника?» (Шевырев 1827: 217). Возникают очередные вопросы: плоды межъязыковых и межкультурных контактов, осуществляемых через языки-посредники, — это такие же переводы или они относятся к смежным, но иным явлениям? Нужно ли знать язык, на котором написан текст оригинала, чтобы переводить? Всегда ли переводчик — это двуязычная личность? Живший на рубеже XIX–XX вв. китайский мастер слова Линь Шу открыл публике многих классиков мировой литературы через свои переводы. Но «переводил» он, не зная ни одного иностранного языка.

Перевод существует в устной и письменной формах, причём в отличие от русского языка, где оба вида деятельности обозначены через гипероним «перевод» и различаются через соответствующий квалифицирующий признак «устный», «письменный», в других европейских языках для каждого вида деятельности существует своё наименование. Ещё в XIX в. отмечалась размытость границ этих видов перевода и очевидные различия, связанные главным образом с областями, где эти виды перевода практиковались: «Устный переводчик работает в деловой сфере, настоящий же письменный переводчик — в основном в сфере науки и искусства» (Schleiermacher, 1838: 209).

Наряду с «межъязыковым» переводом — объектом большинства теоретических исследований — существуют также «внутриязыковой» и «межсемиотический», описанные Р. Якобсоном (Якобсон, 1985: 17).

Среди видов деятельности, в основе которых, как в переводе, лежит интерпретация смыслов, выраженных в одной знаковой системе средствами другой знаковой системы сурдоперевод и тифлокомментирование. Сурдоперевод — перевод речи на жестовый язык — это и в самом деле перевод текста из одной системы знаков в другую, в нём задействованы разные семиотические системы: если в звуковых языках план выражения имеет акустическую основу, то в жестовых — кинетическую. Тифлокомментирование (иногда называемое аудиодескрипцией) — перевод для людей с ограниченными возможностями зрения, позволяющий им получать информацию, зашифрованную для передачи по визуальному каналу, на слух. Есть и другие виды деятельности, связанные с пе-

реводом, такие как транскреация, локализация, востребованные в области рекламы, индустрии интерактивных развлечений и т.п. С переводом непосредственным образом связано всё то, чем занимается многоязычная лексикография и терминография: создание глоссариев, многоязычных словарей и справочников.

Сегодня профессия переводчика подвержена серьёзным мутациям: появляются новые области, связанные с технологической поддержкой переводческой деятельности, контролем качества, управлением. Наряду с традиционными профессиями переводчика (устного / письменного), редактора и терминолога возникают инженерные по локализации, техники по обслуживанию и эксплуатации оборудования, операторы систем машинного перевода. Да и собственно переводческая деятельность профилируется и превращается в веер специализаций: аудиовизуальный переводчик, коммунальный переводчик (*community interpreter*), переводчик жестового языка, синхронный переводчик, переводчик технической литературы, переводчик-дактилолог, переводчик-дефектолог, переводчик-консультант, переводчик-конфликтолог, переводчик-локализатор, переводчик-референт, переводчик-субтитровщик, письменный переводчик, постредактор машинного перевода, специалист по межкультурной коммуникации, переводчик-тифлокомментатор, устный переводчик и т.п. Очевидно, что полиморфизм перевода находит своё отражение и в профессиональной диверсификации.

Таким образом, перевод можно квалифицировать как явление полиморфное, т.е. многообразное, многовидное и многоформенное. Само слово «перевод» и его производные отсылают к различным и постоянно изменяющимся во времени и пространстве реалиям.

Определить сущность перевода в разное время стремились философы и историки, писатели и поэты, литературоведы и лингвисты. От метафизических воззрений философов, признающих перевод единственной и основной способностью человеческого ума (Schlegel, 1884: 32), понимание — онтологической сущностью перевода (Steiner, 1975) до воззрений лингвистов и переводоведов, определяющих перевод максимально скрупулёзно и рельефно, но, как правило, фрагментарно, т.е. высвечивая ту или иную сторону определяемого объекта, в дефинициях просматривается полиморфное явление, которое справедливо было названо «самым сложным процессом из всех возникших когда-либо в ходе эволюции космоса» (Richards, 1976: 250). Т. Сэйвори подтвердил этот тезис на примере известных шести парадоксов (Savory, 1957: 50).

Генезис видов перевода доказывает неравномерность темпов эволюции этого вида деятельности в разные исторические эпохи и даёт богатый материал для осмысления закономерностей его существования и развития. Однако для познания сущности самого явления и возможности смоделировать различные варианты его трансформации в перспективе аксиологический подход оказывается ключевым.

Аксиология перевода в трансдисциплинарной науке о переводе

Сегодня аксиологический подход выходит за рамки философии и применяется для решения множества задач в таких областях, как социология, психология, педагогика, политология, экономика, культурология и других научных дисциплинах. Он постепенно становится основным методологическим ориентиром современной науки, а ценности рассматриваются как особая объективная среда, существующая наряду с природной и социальной реальностью. В последнее время исследователи всё чаще обращаются к этому подходу в контексте нового этапа гуманистической парадигмы, которая рассматривает человека как высшую ценность и цель общественного развития на фоне кризисных явлений в обществе и изменений в социокультурной сфере.

Начиная с 50-х годов прошлого века перевод становится объектом особой самостоятельной трансдисциплинарной научной дисциплины — науки о переводе, которая, систематизируя методы многих наук и накопленные ими знания, используя их категории и понятия, стремится к синтезу научных данных с целью построения единой теории объекта. Задача трансдисциплинарной науки о переводе — синтезировать различные предметные стороны переводческой деятельности как некой системы (Гарбовский, 2023: 223). Подчёркивается необходимость «сводного системно-синергетического анализа» сильных и слабых сторон известных на сегодняшний день «традиционных» и «инновационных» моделей перевода, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции (Мишуров, Новикова, 2020: 46–47). «Очевидно, — считает Н.К. Гарбовский, — что множество моделей, теорий перевода, отражающих и объясняющих тот или иной аспект этого сложнейшего явления, а также разрозненные, часто даже весьма интересны эмпирические наблюдения, полезные сами по себе для развития переводческой практики, нуждаются в синтезе для построения науки о переводе» (Гарбовский, 2016: 579). Тем более, что и «современный метаязык

переводоведческих штудий» — сложный, многообразный, стилистически усложнённый и неоднозначный — «в значительной мере усложняет задачу научного описания и теоретически точно выраженной интерпретации искомой теоретико-методологической проблематики» (Мишкур, Новикова, 2024: 9).

В качестве возможного пути построения «методологического» ствола науки о переводе в начале 2000-х годов Н.К. Гарбовским был предложен системологический метод интеграции научных знаний о переводе, накопленных разными научными дисциплинами (Гарбовский, 2004). В учебнике «Теория перевода», где был представлен данный метод, предпринята и попытка описания истории переводческого опыта в аксиологической перспективе: переводческая деятельность и отдельные персоналии рассматривались в связи со значимыми событиями в истории общественной жизни и человеческого общества и с точки зрения их влияния на развитие мировой культуры. Эффективность такого подхода очевидна, так как различные многообразные факты мировой истории перевода предстают не в виде упорядоченного диахронического перечня, а сопоставляются и структурируются в их взаимосвязи: а) внутренней — между собой, б) внешней — с важнейшими вехами развития человеческой цивилизации. В дальнейшем этот подход, выявляющий значимые для развития человеческой цивилизации события в истории перевода, и позволяющий высветить категорию ценности перевода как общественного явления, получил своё развитие в монографии «История перевода. Практика, технологии, теории» (Гарбовский, Костикова, 2021).

Обращение к теории ценностей в качестве концептуальной основы для переосмысления цивилизационного значения перевода, определения природы ценности перевода как герменевтического, творческого, «преобразующего бытие посредством созидательного познания» акта в диахронии и синхронии, в том числе в свете новых вызовов, затрагивающих самые разные сферы жизни общества, искусства и профессиональной деятельности — может оказаться плодотворным, обогатить науку о переводе новыми данными, расширить ее предметную область, спрогнозировать развитие перевода в связи с технологическими новациями, социальными установками и динамикой геополитической обстановки, а также позволит по-новому взглянуть на традиционные проблемы оценки качества перевода.

Человечество всегда искало нечто постоянное, константное, обеспечивающее устойчивость социальной жизни и своего бытия

(Зейналов, 2011: 52). Системное изучение формирования и функционирования в общественном сознании ценностных доминант в отношении переводческой деятельности направлено на выявление ценностных приоритетов в обществе и переменных оценки перевода, а также того, что может сказаться на поведении, мировоззрении, бытии получателей перевода, определение постоянных, непреходящих ценностей, так называемых «ценностных констант», имманентных переводу, независимо от пространственно-временного континуума его бытования.

Подчеркнём в этой связи, что аксиология перевода в нашем понимании обращена не только (и не столько) к категории качества перевода, к критериям оценки перевода и разработке проблем переводческой эрратологии, как это видится другими исследователями (см. напр.: Иванова и др., 2015; Кушникова и др., 2023), а направлена на выявление и описание ценностных констант перевода в исторической перспективе.

Таким образом, определение ценностных констант переводческой практики — одна из задач *аксиологии перевода* — актуального и определяющего современную науку о переводе вектора исследования.

В русле системологической парадигмы науки о переводе аксиология перевода нацелена на изучение противоречивости перевода на основе анализа причин социального, культурного, исторического, этического, идеологического, нравственного характера — противоречивости, возникающей из столкновения «своего» и «чужого» в когнитивной деятельности переводчика, который при целеполагании создать нечто подобное, создаёт иное (Гарбовский, 2016: 579).

Для исследований по аксиологии перевода основополагающими представляются три предпосылки:

1. Социальные связи играют важнейшую роль в профессиональной жизни переводчиков, а перевод является деятельностью социальной *sui generis* в том смысле, что она востребована, осуществляется и оценивается обществом, вернее, его конкретными представителями.

2. В результате переводческой деятельности создаются объекты особого рода — вторичные тексты. Эта онтологическая сущность перевода — вторичность — влечёт за собой неизбежность общественной оценки перевода. Оценка одного и того же перевода в частности и переводческой деятельности в целом может варьироваться в пространственно-временном континууме и не совпадать с его ценностью в исторической перспективе.

3. С одной стороны, постоянно возникает вопрос о соответствии этого «вторичного» продукта «первичному», то есть оригиналу. Являясь «вторичным», перевод потенциально оказывается хуже оригинала, в нём всегда можно обнаружить изъяны и дефекты. С другой стороны, переводческий труд, насчитывающий несколько тысячелетий, не раз явил коммуникативные достоинства своих результатов, их роль в межъязыковой и межкультурной коммуникации, их вклад в развитие национальных языков и литератур, в формирование эстетических ценностей, эволюцию науки и технологий.

На основе трёх составляющих ценностных отношений, связанных с переводческой деятельностью — перевод и общество; перевод и оригинал, перевод и переводчик — нами выделено три константы: 1) перевод — необходимое условие научного, технического прогресса; 2) перевод — искусство как элемент ценностно-нормативной системы общества; 3) перевод — инструмент саморазвития и самосовершенствования человеческой личности. Все они являются составными частями ценностной доминанты перевода, которую можно было бы определить как культуротворческую функцию перевода. Далее мы обратимся к её рассмотрению, сопоставив с вариативностью оценки перевода, как деятельности гуманистической по своей природе, социально востребованной и технологически обусловленной.

Культуротворческая функция перевода как ценностная доминанта

С незапамятных времен переводами с одного языка на другой занимались люди. Презрев Вавилонское проклятие, переводчики приходят на помощь человечеству. Они беспрестанно наводят мосты между народами, расами, культурами и континентами, преодолевая разобщённость, оказываясь жизненно важным связующим звеном в длинной цепи передачи знаний между народами, разделёнными языковыми барьерами. Между прошлым и настоящим. Переводчикам подвластны пространство и время. Благодаря им ключевые тексты — научные, философские, художественные — обретают универсальность. Многоязычие и культурное разнообразие оказывается не возмездием свыше роду человеческому, возгордившемуся своими именно *технологическими* возможностями, а ценнейшим даром. Ведь, как утверждал Н.С. Трубецкой, «единая, общечеловеческая, лишённая всякого индивидуального, национального

признака культура чрезвычайно односторонняя: при громадном развитии науки и техники полная духовная бессодержательность и нравственное одичание», но благодаря закону многообразия национальных культур «становится возможным возникновение у разных народов культурных ценностей, морально положительных и духовно возвышающих человека» (Трубецкой, 1995: 328–330). Эту возможность и дарят человечеству переводчики: открывая новые горизонты и расширяя кругозор, они помогают обходить препоны языковых и культурных различий и лучше понимать мир, ценить его многообразие.

Д.С. Лихачёв справедливо полагал, что интерес и доброе отношение к чужой культуре возникает только из «любви к родному», которая «постепенно расширяясь... переходит в любовь к своей стране — к её истории, её прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре». Именно поэтому, — подчёркивает учёный, — «воспитание любви к родному краю, к родной культуре, к родному селу или городу, к родной речи — задача первостепенной важности» (Лихачев, 2015: 485). Очевидно, что только человек, проникнутый любовью к родному слову и родной культуре в состоянии с успехом выполнять важнейшую миссию переводчика, о которой было сказано выше.

Вместе с тем, если любовь к родному учит любить и принимать чужое, то верно и то, что через чужое происходит осознание себя: «самобытность в своей историчности строится через контакт с иным» (Meschonnic, 2007: 120). Об этом писал ещё Лейбниц, размышляя о возможностях родного языка: «перевод хороших книг оказывается истинным пробным камнем, на котором проверяются богатство или бедность языка, по тому, насколько он гибок для перевода» (Leibniz, 1772: 229). Лихачев подчёркивает, что мир русской культуры необычайно богат именно благодаря её восприимчивости: богатство русского языка обусловлено тем, «что он создавался на громадной территории, чрезвычайно разнообразной по своим географическим условиям, природному многообразию, разнообразию соприкосновений с другими народами, наличию второго языка — церковно-славянского... В русское языковое сознание, в мир, увиденный русским языковым сознанием, вошли понятия и образы *мировой* литературы, *мировой* науки, *мировой* культуры — через живопись, музыку, переводы, через языки греческий и латинский» (Лихачев, 2015: 27–28). В другой работе он приводит пример иного рода, подтверждающий живительную роль межкультурных кон-

тактов для укрепления своей идентичности: некогда запрещённые произведения русских авторов становились сначала достоянием зарубежья и оттуда, признанные и прославленные возвращались на Родину. «Наша литература, наше искусство обогатили мировую культуру, стали катализатором общественной и духовной жизни. Так литература и искусство зарубежных стран воздействуют на нашу культуру, обогащая нас духовно, эстетически», — заключает учёный (Лихачев, 2015: 510).

Развитие науки и техники как важнейших составляющих человеческой культуры в разное время и в разных геополитических ареалах, этнических средах, при разных формах организации общества во многом было связано с переводческой деятельностью, в результате которой осуществлялся трансфер знаний от одной цивилизации к другой. Перевод служил не только инструментом добычи, переноса и освоения знаний, полученных извне, но и мощным средством развития автохтонной науки. «Перевод — ключ к научному прогрессу, поскольку он открывал для каждого последующего поколения исследователей и изобретателей знания и инновации предшественников, выраженные на другом языке» (Fishbach, 1992: 194). Так, высказывая благодарность французскому «принцу переводчиков» Жаку Амио за находку и выбор «столь достойной и ценной» для французского читателя книги³, философ Мишель де Монтень тем самым подчёркивает одну из важнейших социальных функций переводчика — вводить в принимающую культуру «полезное чужое», которое следует заимствовать в интересах развития собственной культуры (Монтень, 1992, эл. ресурс).

Но главная ценность перевода, сделанного Амио, заключалась не столько в том, что он дал французскому читателю энциклопедию жизни, написанную греческим философом, а в том, что он сумел изложить эту энциклопедию на французском языке, доказав тем самым, что французский язык способен описать всё разнообразие сцен, ситуаций, моралей и размышлений Плутарха, а значит, по уровню выразительных способностей не уступает греческому языку. Монтень в «Опытах» (1588), вобравших его размышления о литературе и жизни, восхищался прежде всего литературным даром Амио: «Среди всех французских писателей я отдаю пальму первенства — как мне кажется, с полным основанием — Жаку Амио <...> Мы, невежды, были бы обречены на прозябание, если бы эта

³ Речь идёт о переводе «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, который увидел свет в 1559 г. и приобрёл большую популярность у французских читателей.

книга не извлекла нас из тьмы невежества, в которой мы погрязли. Благодаря его труду мы в настоящее время решаемся и говорить, и писать по-французски; даже дамы состязаются в этом с магистрами. Амио — это наш молитвенник» (Там же).

Европейские философы и учёные прошлого прекрасно осознали роль перевода в передаче научных знаний и обогащении языков новыми понятиями, облечёнными в новые языковые формы. Французский учёный-энциклопедист Жан Лерон д'Аламбер (1717–1773) утверждал: «Хорошо сделанные переводы есть самый надёжный и самый быстрый способ обогащения языков» (D'Alembert, 1763: 19).

Аналогичные идеи высказывал и русский просветитель, основатель первого российского университета М.В. Ломоносов. В известной работе «Предисловие о пользе книг церковных» (1757) он писал: «При сем, хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные через долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительным, то нам ныне стало приятно и полезно» (Ломоносов, 1986: 473–474).

Культуротворческая сущность перевода, таким образом, очевидна, а над её воплощением трудятся сами люди — переводчики — «почтовые лошади просвещения», как запечатлено в ёмком образе великого русского поэта.

Вариативность оценки перевода

Однако исторический опыт позволяет убедиться в том, что в переводе, в подходах к оценке качества перевода, верности и точности существуют цикличность и мода, что одни и те же решения в разные эпохи могли оцениваться по-разному, а иногда и противоположно. Переводческая практика зависит от состояния словесности народа, на язык которого осуществляется перевод, в конкретную историческую эпоху, от общественного мнения о красивом и уродливом, верном и неверном, нужном и ненужном.

На протяжении многих веков человеческое общество, регулярно потребляя плоды переводческой деятельности во всех сферах общественной жизни — в политике и дипломатии, в науке и религии, в искусстве и военном деле, — не уставало упрекать переводчиков в неточности, неверности и даже предательстве.

Уильям Блейк замечает, что под маской переводчиков лишь низвергают гениев⁴, Джон Денем сетует, что «за переводы, как на грех, берутся те, кто пишет хуже всех» (Английские поэты-кавалеры XVII века, 2010: 231), а Владимир Набоков аккумулирует сразу несколько негативных образов, говоря о переводе: обезглавленный поэт, от которого на блюде осталась лишь бледная и скорченная в гримасе голова, горланящий попугай, бормочущая мартышка и надругательство над усопшими (Набоков, 1999: 37). “Traduttore traditore” — «предатель-перелагатель» — пожалуй, наиболее часто повторяемый афоризм, определяющий отношение общества к труду переводчика.

Не следует забывать, что наряду с этими суждениями о переводе существуют и иные, выраженные в целом ряде образов. Перевод — это и мост между народами, поколениями и культурами (В. Юго, А. Бенсуссан, П. Давио), и «душа цивилизации» (И. Башевис-Зингер), и «средство векового общения между культурами и народами» (Б. Пастернак), и «инструмент распространения гуманизма, укрепления мира и развития прогресса» (П.-Ф. Кайе). Переводчики — «благодетели» (Х.Л. Борхес), «пророки» (И.-В. Гёте), «творцы универсума» (П. Казанова).

Противоречие, возникающее при оценке деятельности переводчиков, пронизывающее всю её историю, можно объяснить как онтологической дихотомией переводческой деятельности, так и противоречием *общего* и *частного* — двух сторон категории качества. Именно основные переводческие дихотомии автор/читатель, переводимость/непереводимость, своё/чужое, историзация/модернизация и имманентный дуализм буква/дух⁵ являются той движущей силой, которая способствуют развитию критики, практики и теории перевода.

⁴ “It appears to me that the Men are hierd to Run down Men of Genius under the Mask of Translators” — рукописный комментарий, оставленный Блейком на полях первого тома перевода «Божественной Комедии» Данте, выполненного Генри Бойдом (Boyd, 1785). Копия с рукописными комментариями Блейка хранится в коллекции Кембриджской университетской библиотеки.

⁵ Во втором послании к Коринфянам апостола Павла говорится: «...Буква убивает, а дух животворит» (2 Кор, 3:6). К этому наставлению не раз обращались, переосмысливая его позднее на протяжении всей истории перевода. У Вольтера в философских письмах по поводу собственного переложения из Шекспира читаем: «Не думайте, что я передал здесь английский текст слово в слово. Горе тем, кто переводит буквально и, передавая каждое слово, обескровливает смысл. Именно в этих случаях следует сказать, что буква убивает, а дух даёт жизнь» (Вольтер, 2011).

Что касается категории качества, то благодаря именно ей перевод можно отличить от иных видов речевой деятельности, межъязыковой коммуникации, а также межличностного международного и межкультурного посредничества. В то же время эта категория позволяет увидеть перевод во всём многообразии его проявлений и свойств независимо от условий реализации, пространственной и исторической специфики.

Конкретные ошибки переводчиков во все времена подвергались жёсткой критике, удачные переводческие решения вызывали восхищение. Но переводческие ошибки и удачи в историческом освещении предстают как *частные* случаи. С течением времени о них забывают, и в общественном сознании сохраняется лишь *общее* представление о переводе и его социальной значимости.

Переводческая деятельность *в общем* действительно представляется как одна из важнейших общественных функций, обеспечивающих жизнедеятельность многоязычного и поликультурного человеческого общества. Коммуникация, как одно из важнейших средств существования общества, без перевода часто оказывается весьма затруднённой или даже невозможной.

В этой связи негативные суждения о переводчиках представляют интерес не столько как характеристика переводческой деятельности *в общем*, сколько как отражение прочно укоренившегося критического отношения к каждому *частному* акту перевода, как напоминание о неизбежности комментариев и критических замечаний, разборов и рассуждений, которые он неизбежно влечёт за собой. Онтологически перевод представляет собой «вторичный» объект, что, с одной стороны, порождает вопросы о его соответствии «первичному» объекту, а с другой, априори накладывает на него печать второсортности. «Все переводы, которые я когда-либо читал, значительно уступают их оригиналам», — подкрепляет этот тезис английский *переводчик* Абрахам Коули (1618–1667) в своём предисловии к собственным переводам (Cowley, 1881: 4). В том же русле, но глядя на проблему со своих позиций, высказывается средневековый переводчик Иоанн из Тревизы (1342–1402): «Клирики хорошо знают, что ни один грешник не может сделать того, что не может быть сделано лучше, нельзя сделать такой перевод, который не может быть улучшен» (Trevisa, 1903: 207).

Это противоречие *общего* и *частного* во взгляде на переводческую деятельность особенно отчётливо проявляется при обращении к истории перевода. Мировая история хранит имена великих людей, оказавших весьма существенное воздействие на развитие

человеческой цивилизации. Римский оратор Цицерон, богослов и библеист Иероним Стридонский, немецкий гуманист Мартин Лютер, французский типограф Этьен Доле, китайский философ Янь Фу и многие другие оставили неизгладимый след в истории перевода. Что показывает эта история? То же противопоставление общего частному.

Цицерон, внёсший огромный вклад в развитие мирового ораторского искусства, в предисловии к собственному переводу с греческого языка речей Эсхина и Демосфена оправдывался перед современниками за свой ораторский подход в частном случае перевода конкретного произведения.

Иероним, оказавший неоценимую услугу католической церкви переводом Библии на латинский язык, канонизированным более чем через тысячу лет после его создания, в своём трактате, известном как «Письмо Паммахию», оправдывается перед современниками, обвинявшими его в переводческих ошибках, неточностях и искажениях в одном конкретном, частном акте перевода. Он откровенно признает: «Трудно, следуя за чужими строчками, ничего не пропустить, и нелегко сделать так, чтобы хорошо сказанное на другом языке сохранило свою красоту в переводе»⁶.

Лютер, сыгравший огромную роль в становлении современного немецкого языка, объясняет и оправдывает свои конкретные переводческие решения в частных случаях перевода библейских текстов.

Доле, впервые попытавшийся вывести правила хорошего перевода на основании законов ораторского искусства, был сожжён на костре инквизиции за конкретную, частную переводческую вольность.

Французский писатель XVI в. Жак Амио, которого современные французы называют «французским Лютером», отдавая дань почтения его выдающейся роли в развитии французской словесности, подвергался резкой критике Французской академии за добавления, опущения и неточности в конкретном акте перевода — в переводе «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха.

Китайский общественный деятель и публицист Янь Фу вошел в историю прежде всего как непревзойдённый переводчик-просветитель и комментатор западной философской и общественно-

⁶ “Difficile est alienas lineas insequentem, non alicubi excidere: et arduum, ut quae in alia lingua bene dicta sunt, eumdem decorem in translatione conservent” (пер. Н. Холмогоровой; под ред. М. Касьян и Т. Миллер, цит. по: Гарбовский, Костикова, 2009: 18–19).

политической литературы. Он сформулировал на основе своей переводческой практики три критерия хорошего перевода: достоверность (信 / синь), доходчивость (达 / да), изящность (雅 / я), которые стали основополагающим для китайской классической теории перевода. При этом, несмотря на колоссальный успех переводов в Китае в конце XIX — начале XX в., он впоследствии не раз подвергался критике за излишнюю усложнённость «изящного» языка, а также за вольности и искажения, допущенные в своём «слишком доходчивом» переводе, которые обнаруживались при детальном сопоставлении тех или иных частных фрагментов (см. Huang, Wang, 2020; Yu, 2003). История показывает нам множество подобных примеров.

Сегодня, как и прежде переводчик в общественном мнении нередко расценивается как человек, осуществляющий некую вспомогательную деятельность по предоставлению «коммуникативных услуг». Для выполнения этой функции якобы не требуется много интеллектуальных усилий, собственных мыслей, способности принимать самостоятельные решения. Рассуждая о значении перевода для современного пространства культуры, исследователи констатируют «теневое, оттеснённое, отверженное и подсобное положение перевода» вплоть до «подозрительного», которое отражается и на положении переводчиков (Berman, 1984: 6). Такая позиция вкупе с активными разработками в области искусственного интеллекта представляет угрозу для искусства перевода, как рода творческой деятельности человека и источника его существования.

В конкурентной борьбе с искусственным интеллектом переводчик-человек может проиграть, ведь у него меньший объём оперативной памяти, нет возможностей сиюминутного доступа к большим базам данных, но даже если бы такая возможность и была, то обработка данных заняла бы гораздо больше времени, чем у машины. К тому же обучение и постоянное совершенствование навыков переводчика-человека — процесс крайне ресурсозатратный. Автоматический перевод со всеми изъянами оказывается экономически более выгодным.

Человек-переводчик

Кто такой переводчик — заурядный билингв, буквалист, покорно следующий букве в отсутствие писательского дара, предатель-перелагатель, искажающий текст оригинала, уничтожающий его дух в силу своей убогой компетенции, или всесторонне образованный интеллектуал, лингвист, этнограф, философ, психолог, историк

и мастер слова, «который от творца лишь именем разнится», необходимое и незаменимое звено в цепи межъязыковой и межкультурной коммуникации?

Синтезируя признаки, выраженные в разных определениях перевода, принадлежащих известным учёным современности, Н.К. Гарбовский подчёркивает, что речь идёт об особой интеллектуальной деятельности человека по реализации сложнейшей «общественной функции коммуникативного посредничества» в условиях лингвистического дискомфорта, когда **передача информации** от одного коммуниканта к другому напрямую невозможна из-за использования ими разных языковых систем. (Гарбовский, 2004: 214). Для нас ключевыми в этом определении видятся два момента.

Во-первых, речь идёт о передаче информации, а передача информации предполагает наличие канала информации и носителя информации, то есть некой материальной основы. Осознание того, что перевод — это способ обработки и передачи (а также хранения и накопления) информации, происходящих по определённым каналам и с использованием определённых носителей, имеет принципиальное значение, поскольку позволяет *увидеть и принять* тот факт, что всё развитие переводческой деятельности связано с прогрессом носителей информации, каналов передачи информации, способов её фиксации, то есть с прогрессом различных информационно-коммуникационных технологий (см. подробнее: Костикова, 2016). Технологический прогресс изменял и продолжает изменять облик профессии. Он сказывается на самом процессе перевода, его качественных и количественных характеристиках. Это значит, что сегодня мы переживаем очередной поворотный момент в истории переводческой деятельности, как это уже случалось, когда возникали языки, появлялась письменность, постепенно «облегчались» носители информации, автоматизировались способы тиражирования, изобретались способы усиления и передачи аудио и видеосигнала на расстоянии и т.п. Осмысление истории переводческой деятельности в таком ключе дало нам основания предложить информационно-технологический подход к её периодизации (см.: Гарбовский, Костикова, 2021).

Во-вторых, социальная функция перевода состоит в «утолении информационного голода» и преодолении «коммуникативного дискомфорта», вызванного невозможностью понять другого в силу различия коммуникативных кодов в условиях двуязычной коммуникации. Но переводчик не имеет этического права вести себя как обыкновенный «коммуникант» (читатель или слушатель). Пере-

водчик — это психолог, исследователь, историк, этнограф, литературовед, философ, который должен увидеть в тексте, в сообщении именно то, что зашифровал в знаках языка автор. (Гарбовский, 2016: 593). «Где знак — там и идеология, — писал Бахтин, — мы, в действительности, никогда не произносим слова и не слышим слова, а слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т.д. Слово всегда наполнено идеологическим или жизненным содержанием и значением» (Бахтин, 2000: 406). Для перевода это одновременно и вызов, и возможности. Какова бы ни была степень переводимости материала, с которым работает переводчик, это никогда не освобождает его от функции критика, которая обуславливает качество его работы.

Эта функция включает в себя две задачи: помимо анализа собственно *содержимого* (воплощённого в единстве формы и содержания) того, что переводится и во что это затем выливается, переводчик должен определить *точку зрения* на каждый из этих текстов в соответствии с той сферой социальной практики в рамках которой и для которой осуществляется перевод (техническая, правовая, медицинская, образовательная, политическая и т.д.). Точка зрения, основное понятие герменевтики, предполагает обязательное для критической позиции *дистанцирование*. Залогом же ограничения субъективной предвзятости, своего рода *гарантией*, в таком случае становится опора на предшествующие корпусы ценных и значимых текстов на двух языках. Дуализм точки зрения и гарантии, обеспечивающей её непредвзятость, определяет ценность перевода, превращая его в подлинное творение (Rastier, 2016: 7).

Конечно, тенденция сводить текст оригинала к «источнику», а текст перевода — к «цели» по-прежнему распространена среди адептов информационной проблематики, как и стремление видеть в переводе своего рода диалог или компромисс между двумя существующими системами ценностей — среди последователей коммуникативной парадигмы. Но перевод не просто переход от одной системы представлений или убеждений к другой, от одной идеологии к другой: он отстоит от них на равной дистанции и открывает новое пространство, обогащая корпус обоих задействованных языков. Если же переводчик отказывается от своей функции критика и не выдерживает необходимой дистанции, то он лишь конкретизирует уже сложившуюся систему убеждений: такой перевод Растье называет идеологическим (Там же).

Проблема соотношения содержимого и ценности перевода проявляется с очевидностью, когда речь заходит о недостатках ма-

шинного перевода: ограниченность лишь содержимым текста в отсутствие точки зрения и гарантий, о которых было сказано выше, лишает такой перевод ценности. Обратная сторона медали — тенденциозные переводы, которые стремятся навязать некритическую точку зрения: независимо от степени её политической корректности, она есть не что иное, как насилие над текстом оригинала и истощение его перевода.

«Неуловимая» идеология вездесуща, её особенность в том, что у неё нет каких-либо специальных маркеров, как иногда полагают, анализируя различные типы дискурсов. Конечно, можно приводить в пример слова, наполненные символическим смыслом или образностью, но не менее важным оказывается то, что смысл того или иного текста — зачастую формируется не словами — слова может перевести и машина — а их отсутствием. Отсутствие тех или иных слов в тексте говорит о многом, и объясняться может и тем, что автор их избегает, и рядом других факторов. Так, рассуждая о культурном смысле, культурном опыте, без которых невозможно создание произведений искусства, А.С. Запесоцкий высказал принципиальное важное для методологии перевода предположение: «возможно, концептосферы и конкретно взятого художественного текста, и его автора, и читателя состоят из множества отдельных концептов, каждый из которых есть не только «изречённое» нечто, нашедшее конкретное словесное воплощение на национальном языке, но и «подразумеваемое» — потенциально заложенное, но не вполне осмысленное, возможно даже самим автором, для чего и слова-то просто может быть не найдено.» (Запесоцкий, 2022: 138). Для перевода значимо и сказанное, и не высказанное: ценность текста сообразна его «де-онтологии».

В книге «Против инструментализма» Венути рассматривает два подхода к переводу: герменевтический и инструменталистский. Герменевтический подход требует от переводчика творческого переосмысления текста с учётом культурного и политического контекстов, как исходного текста, так и аудитории, которой адресован перевод. Венути утверждает, что в этом случае переводной текст должен сохранять «чуждость», чтобы читатель осознавал его принадлежность к другой культуре. Инструментализм же проявляется в механической передаче слов без учёта контекста. Венути указывает, что инструменталистская модель проявляется в таких формулах оценки, как «верность» и «компромисс». «Всякий раз, когда для описания перевода используется понятие “компромисс”, речь идет об инструментализме: предполагается существование инварианта

исходного текста, который перевод может приблизить, но не воспроизвести в точности» (Venuti, 2019: 67). Роль переводчика оказывается маргинальной, заменимой или даже избыточной, а перевод всегда неудачным, в чём-то уступающим оригиналу. Инструментализм в переводе лишает тексты их исторического, политического, языкового и социального контекстов, благодаря которым тексты обретают смысл и осмысливаются. Инструментализм «концептуально обедняет», вырывая текст из среды его бытования (Venuti, 2019: 59).

Между тем, известно, что переводческая практика зависит от состояния словесности народа, на язык которого осуществляется перевод, в конкретную историческую эпоху, от общественного мнения о красивом и уродливом, верном и неверном, нужном и ненужном. В подходах к оценке качества перевода, верности и точности существуют цикличность и мода, одни и те же решения в разные эпохи могли оцениваться по-разному, а иногда и противоположно. Противоречие, возникающее при оценке деятельности переводчиков, пронизывающее всю её историю, можно объяснить как онтологической дихотомией переводческой деятельности, так и противоречием общего и частного — двух сторон категории качества. Конкретные ошибки переводчиков во все времена подвергались жёсткой критике, удачные переводческие решения вызывали восхищение. Но переводческие ошибки и удачи в историческом освещении предстают как частные случаи. С течением времени о них забывают, и в общественном сознании сохраняется лишь общее представление о переводе и его социальной значимости.

Таким образом, вариативность оценки перевода противопоставлена его ценностным константам.

Добавленная ценность перевода

Переводческая деятельность действительно представляется как одна из важнейших общественных функций, обеспечивающих жизнедеятельность многоязычного и поликультурного человеческого общества. Коммуникация, как одно из важнейших средств существования общества, без перевода часто оказывается весьма затруднённой или даже невозможной.

В этой связи негативные суждения о переводчиках представляют интерес не столько как характеристика переводческой деятельности в общем, сколько как отражение прочно укоренившегося критического отношения к каждому частному акту перевода, как напоминание о неизбежности комментариев и критических заме-

чаний, разборов и рассуждений, которые он неизбежно влечёт за собой. Онтологически перевод представляет собой «вторичный» объект, что, с одной стороны, порождает вопросы о его соответствии «первичному» объекту, а с другой, априори накладывает на него печать второсортности. Это противоречие общего и частного во взгляде на переводческую деятельность особенно отчётливо проявляется при обращении к истории перевода, которая хранит имена великих людей, оказавших весьма существенное воздействие на развитие человеческой цивилизации (Гарбовский, 2021).

Личность переводчика играет ключевую роль: именно благодаря сложнейшей интеллектуальной психофизической деятельности человека в переводе возникает, то, что можно было бы назвать *добавленной ценностью* — положительное значение для человека, общества, культуры, появившееся в результате переводческой деятельности с точки зрения её способности удовлетворить латентные или скрытые потребности, породить инновации, быть катализатором прогресса. И ценность перевода, и его добавленная ценность — это та роль, которую играет или может играть перевод в жизнедеятельности человека и общества с точки зрения его потребностей, интересов и целей. Однако если ценность перевода связана с удовлетворением конкретных потребностей и ожиданий от перевода, с точки зрения его непосредственной функции, осознаваемой обществом, то добавленная ценность — связана с эффектом неожиданности, оцениваемой положительно и не связанной непосредственно с задачами коммуникативного посредничества, решаемыми в каждом конкретном акте перевода. Добавленная ценность — всегда сопутствующее, но зачастую первостепенное свойство перевода, которое проявляется в виде констант перевода в историческом осмыслении, не как конкретного акта межъязыковой коммуникации, а как явления, способствующего установлению диалога или разрешению конфликта культур.

К добавленным ценностям можно отнести всё то, что составляет великую цивилизаторскую миссию перевода: письмотворчество, распространение и развитие религий, совершенствование словесности, передачу научных знаний, развитие государственности в условиях двуязычия, умножение очагов культуры, поддержание и распространение духовных ценностей и т.п. В современном мире, переживающем эпоху «больших данных», переводчик оказывается одним из важнейших звеньев общей информационной системы, генерирующим *новые* данные. Благодаря деятельности переводчиков общая мировая информационная систе-

ма пополняется так называемыми межъязыковыми большими данными, т.е. многоязычными образами явлений той или иной культуры.

Ценность и оценка перевода: социальная обусловленность

«Что бы ни говорилось о неудовлетворительности переводческого труда, он был и остается одним из самых значимых и достойных занятий на благо всеобщего взаимодействия», — писал И.-В. Гёте (Goethe, 1883: 257). Похожие мысли высказывал и В. Гюго, рассуждая о цивилизаторской миссии перевода: «Переводчики служат цивилизации. Они переливают духовную субстанцию от одного к другому. Служат распространению идей. Благодаря им гений одной нации встречается с гением другой нации. Плодотворные сочетания. Ведь новая мысль так же необходима, как и новая кровь» (*перевод наш — О.К.*) (Hugo, 2013: эл. ресурс). Хайдеггер же считал, что «суть перевода не в том, чтобы облегчать коммуникацию с говорящими на другом языке, а в том, чтобы помочь в решении насущного для всех вопроса. Он служит взаимопониманию в некотором более высоком смысле; и каждый шаг в этом направлении — благоговение для народов» (*перевод наш — О.К.*) (Heidegger, 1938: 8).

Важнейшая миссия переводчиков оценена сегодня в мировом сообществе на самом высоком уровне: 24 мая 2017 года Генеральной Ассамблеей ООН принята специальная резолюция, где подтверждается «роль профессионального перевода в сближении народов, укреплении мира и содействии взаимопониманию и развитию». Эта роль в высшей степени ответственна и чрезвычайно актуальна сегодня, ведь как гласит статья 6 «Декларации прав культуры», разработанной коллективом учёных СПбГУП под научным руководством Д.С. Лихачёва: «Культурное сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн» (Лихачев, 2015: 503).

Перевод всегда был деятельностью социальной *sui generis* в том смысле, что она востребована, осуществляется и оценивается обществом, вернее, его конкретными представителями. Социальные связи играют важнейшую роль в профессиональной жизни переводчиков. Функция перевода не определяется формальным анализом исходного текста; она прагматически задаётся целью межкультурной коммуникации (Nord, 2005: 11), а качество перевода

определяется помимо лингвистической эквивалентности многими иными факторами, и прежде всего социальным контекстом, в значительной степени направляющим и регулирующим переводческую деятельность (Робинсон, 2007: 160). Именно от общественных установок будет во многом зависеть что, как, когда и с какой целью будет перенесено из одной культуры в другую, станет достоянием языка и литературы, развивая и обогащая их или, наоборот, максимально приспособливаясь к ним. А быть может, канет в Лету, так и не получив общественного признания, или замрёт в ожидании смены культурных ориентиров, общественных установок, политической конъюнктуры и т.п.

Заключение

Владение языком и умение толковать — ценнейшие дары, обретенные человеком. Как верно заметил К.Д. Ушинский, «сознание распределено между людьми равномерно; разница же, замечаемая нами столь ясно в силе и развитии рассудка, заключается не в самом рассудке или сознании, но в количестве, в качестве и в переработке фактов, над которыми сознание работает» (Ушинский, 1950: 617). Переводческая деятельность — сложный процесс восприятия и воспроизведения, анализа и переработки, накопления и сохранения информации. Владение мастерством перевода, обучение этому мастерству и регулярная его практика развивает рассудок, расширяет сознание, обогащает духовно, прежде всего, самого человека, вовлечённого в этот процесс, а также тех, для кого на протяжении тысячелетий трудятся переводчики-люди.

Сегодня с развитием цифровой эпохи перевод представляет собой сложную систему противоречивых отношений в «бинеом человек — искусственный интеллект». Делегируя искусственному интеллекту ряд функций по работе с информацией, человек освобождает свой разум от осуществления некоторых когнитивных операций, что в процессе эволюции может вести либо к ослаблению человеческого интеллекта вплоть до полной деградации, либо, напротив, к заполнению освободившегося интеллектуального пространства новыми, пока не известными познавательными способностями, что позволит переводчикам, как и много веков подряд, способствовать сохранению и приращению интеллектуального наследия, умножению очагов культуры, поддержанию и распространению духовных ценностей.

Не терять из виду эту гуманитарную перспективу крайне важно сегодня в эпоху господства цифры и технологий, когда необходимо

осознать место человека — не ради попыток уйти в прошлое, и с ностальгией вспоминать былые «человечные» времена и не для того, чтобы с тоской смотреть в будущее, опасаясь технологической безработицы на том или ином поприще. Ценности, воспитание профессиональное и духовное, слово и смыслы — всё это актуально в цифровую эпоху, когда человек должен найти своё место, твердо занять его, не сомневаясь, что именно он создаёт, организует и направляет технологии на решение своих задач, которые нужно уметь, осознать, поставить и разрешить.

Таким образом, аксиология перевода является актуальным и определяющим современную науку о переводе вектором исследования.

Список литературы

Агеев А.И. К «цифре» готов? Оценка адаптивности высокотехнологичного комплекса России к реалиям цифровой экономики. Итоговый доклад / А.И. Агеев, Е.А. Асанова, О.В. Глибенко, М.В. Ремизов, В.А. Смирнова. Москва, ИНЭС, 2018. 61 с.

Агеев А.И. Насколько Россия подготовлена к вызовам XXI века // Независимая газета, 14.01.2019.

Атлас новых профессий 3.0. / Под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Альпина ПРО, 2021. 472 с.

Атлас новых профессий. Вторая редакция / П. Лукша, К. Лукша, Д. Варламова, Д. Судаков, Д. Песков, Д. Коричин. М.: Агентство стратегических инициатив, 2015. 287 с.

Атлас новых профессий. Первая редакция / П. Лукша, К. Лукша, Д. Песков, Д. Коричин. М.: Агентство стратегических инициатив, 2014. 164 с.

Бахтин М.М. Бахтин под маской: Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: изд-во «Лабиринт», 2000, 640 с.

Вольтер Ф.М.А. Философские повести. Философские письма. Статьи из «Философского словаря» / пер. с фр. Н. Дмитриева и др. М.: АСТ; Астрель, 2011. 748 с.

Гао Ц. Влияние цифровизации общества и культуры на перевод // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2020. № 3. С. 3–25.

Гарбовский Н.К. О переводе / Н.К. Гарбовский. М.: «Форум», 2016.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004, 2021.

Гарбовский Н.К. История перевода. Практика, технологии, теории. Очерки по истории перевода / Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова. М.: Изд-во Московского университета, 2021. 318 с.

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Исповедь великого переводчика, или Первый европейский трактат о переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 2009. № 3. С. 3–36.

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Интеллект в цифровом переводе: искусственный или искусный? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2019. № 4. С. 3–23.

Гусейнов А.А. Как возможна глобальная общность людей? // Диалог культур и партнёрство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Международные Лихачёвские научные чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 61–63.

Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачева / А.С. Запесоцкий, 3-е изд. СПб.: СПбГУП, 2022. 528 с.

Зейналов Г.Г. Философское значение концепции устойчивого развития // Гуманитарные науки и образование, 2011. № 1 (5). С. 51–55.

Иванова, О.А. Аксиологическая парадигма перевода: к вопросу о субъективных и объективных критериях оценки качества перевода / О.А. Иванова, А.И. Криворучко, Н.Г. Погорелая // Современные проблемы науки и образования, 2015. № 1–1. С. 1267.

Касавина Н.А. Цифровизация как предмет междисциплинарных исследований // Эпистемология и философия науки, 2019. Т. 56. № 4. С. 251–259.

Костикова О.И. Эволюция информационно-коммуникационных технологий в истории перевода // Роль современных информационных технологий в повышении качества перевода и развитии эффективных коммуникаций: сборник материалов конференции 26 февраля 2016 г. / Президент. б-ка; [науч. ред. А.А. Погорелов]. СПб.: Президентская библиотека, 2016. С. 1.

Костина А.В. Аксиологическая концепция в гуманитарных науках. Школа неокантианства // Учёный совет, 2020. № 3. Режим доступа: <https://panor.ru/articles/aksiologicheskaya-kontseptsiya-v-gumanitarnykh-naukakh-shkola-neokantianstva/35123.html#> (дата обращения 05.09.2024).

Кушнина Л.В., Аликина Е.В., Енбаева Л.В. Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология: [Электронный ресурс] коллективная монография / под общ. ред. Л.В. Кушниковой. М.: Флинта, 2020. 336 с.

Лекторский В.А. Глобализация и культурное разнообразие // Диалог культур и партнёрство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Международные Лихачёвские научные чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 107–108.

Лекторский В.А. Мировое единство и культурное разнообразие // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачёвские научные чтения 17–18 мая 2012 г. Т. 1: Доклады. СПб.: СПбГУП, 2012. С. 121–124.

Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А.С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 485.

Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных // Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 473–474.

Миронов В.В. Платон и современная пещера big-data // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka>.

ru/article/n/platon-i-sovremennaya-peschera-big-data (дата обращения 05.08.2020).

Мишкурое Э.Н. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении / Э.Н. Мишкурое, М.Г. Новикова. М.: Флинта, 2020. 300 с.

Мишкурое Э.Н. Переводимость — непереодимость: Былое и думы... / Э.Н. Мишкурое, М.Г. Новикова. М.: Флинта, 2024. 248 с.

Монтень М. Опыты. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2, пер. с фр. М.: Голос, 1992. Режим доступа: <http://lib.ru/FILOSOF/MONTEN/monten2.txt> (дата обращения 17.11.2020).

Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Перевод с английского. СПб., «Искусство-СПб»; «Набоковский фонд», 1999. 928 с.

Пекелис В.Д. Твои возможности, человек! М.: Ленанд, 2023. 312 с.

Робинсон Д. Как стать переводчиком. Введение в теорию и практику перевода. М.: Кудиц-пресс, 2007. С. 160.

Садовничий В.А. Размышления математика и ректора. Избранные выступления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. 392 с.

Английские поэты-кавалеры XVII века / сост. и пер. М. Бородицкая. Санкт-Петербург: «Наука», 2010. 380 с.

Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: «Прогресс», «Универс», 1995. С. 327–338.

Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том 2 / К.Д. Ушинский. Собрание сочинений. Том 9. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1950. 776 с.

Фролов, В.И., Иовенко В.А. Переводчики под микроскопом. Ещё раз о роли переводчика в переводе и о необходимости разработки концепции переводчика в переводоведении // Мосты. Журнал переводчиков, 2021. № 4 (72). С. 7–15.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.

Berman A. (1984). L'Épreuve de l'étranger. Paris: Editions Gallimard. 313 p.

Boyd H. (1785). A Translation of the Inferno of Dante Alighieri in English Verse with Historical Notes, and the Life of Dante, to which is added, a Specimen of a New Translation of the Orlando Furioso of Ariosto, Dublin: Printed by P. Byrne.

Cadwell P., O'Brien S., Teixeira C.S. (2018). Resistance and accommodation: Factors for the (non)adoption of machine translation among professional translators. In Perspectives, No. 26, pp. 301–321. Available at: doi: 10.1080/0907676X.2017.1337210 (accessed 1 September 2024).

Cowley A. (1881). Preface to Pindaric Odes. In The Complete Works in Verse and Prose now for the first time collected and edited by The Rev. A.B. Grosart in Two Volumes. Vol II. Verse and Prose. Blackburn, Lancashire: Chertsey Worthie's Library, pp. 4.

D'Alembert J. (1763) Observations sur l'art de traduire. In Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie. Vol. 3. Amsterdam: Zacharie Chatelain & Fils.

Fishbach H. (1992). Translation, the Great Pollinator of Science. In *Babel*, Vol. 38 (4), pp. 193–202.

Frey C.B., Osborne M.A. (2013). The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? September 17, available at: http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (Accessed 1 September 2023).

Goethe J.-W. (1833). German Romance. Vol. IV, Edinburgh 1827. In *Goethe's werke*. Vol. 46. Stuttgart, Tübingen: J.C. Cotta.

Hassan H., et al. (2018). Achieving Human Parity on Automatic Chinese to English News Translation, In arXiv preprint arXiv:1803.05567. Available at: https://arxiv.org/abs/1803.05567?source=post_page (accessed 30 September 2021).

Heidegger M. (1938). Qu'est-ce que la Métaphysique? Gallimard, Coll. Les Essais. No. 7.

Huang CR., Wang X. (2020) From Faithfulness to Information Quality: On Ø in Translation Studies. In Lim L., Li D. (eds.) *Key Issues in Translation Studies in China*. New Frontiers in Translation Studies. Springer, Singapore. Available at: https://doi.org/10.1007/978-981-15-5865-8_6 (accessed 30 September, 2021).

Hugo V. (2013). *Proses philosophiques 1860–1865* (Online edition). Starebooks éditions.

Lee H., Yun S. (2020). How Can We Improve the Codes of Ethics for Translators? In *Babel*, Vol 66, No. 4/5, pp. 706–718.

Leibniz G.-W. (1772). Considérations sur les Langues en général & sur la culture de la Langue Allemande en particulier. In *Esprit de Leibniz ou Recueil de pensées choisies sur la religion, la morale, l'histoire, la philosophie, & c. Extraites de toutes ses œuvres Latines et Françaises*. Vol. 2. Lyon: Jean-Marie Bruyset, Imprimeur Libraire. Avec Approbation & Privilège du Roi.

Macken L., Prou D., Tezcan A. (2020). Quantifying the effect of machine translation in a high-quality human translation production process. In *Informatics*, Vol. 7, No. 2. available at: <https://doi.org/10.3390/informatics7020012> (accessed 1 September 2024).

Massey G. (2021). Re-framing conceptual metaphor translation research in the age of neural machine translation: Investigating translators' added value with products and processes. In *Training, Language and Culture*, Vol. 5, No 1, pp. 37–56.

Meschonnic H. (2007). *Étique et politique du traduire*. Lagrass: Éditions Verdier.

Mossop B. (2006). Has Computerization Changed Translation? In *Meta*, Vol. 51, No. 4, pp. 787–805, available at: <https://doi.org/10.7202/014342ar> (accessed 1 September+ 2023).

Nord Ch. (2005). *Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application*. 2nd ed. Amsterdam, New York: Rodopi.

Rastier F. (2016). Préface. In *Idéologie et traduction*. Sous la direction d'Astrid Guillaume. Paris: L'Harmattan, pp. 5–9.

Richards I.A. (1976 [1953]). *Towards a Theory of Translation*. In *Studies in Chinese Thought* ed. by A.F. Wright. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Sánchez Trigo, E. (2020). Deontología y traducción: elementos para el análisis de la profesión. In *Meta*, Vol. 65, No. 3, pp. 573–593.

Savory Th. (1957). *The Art of Translation*. London: Jonathan Cape.

Schlegel A. W. (1884). *Vorlesungen über schöne Litteratur und Kunst. Dritter Teil (1803–1804) Geschichte der romantischen Litteratur*. Heilbronn: Henninger. 252 p.

Ségard V. (2009). *Le traducteur professionnel: une espèce menacée, ou la robotisation du monde*, available at: http://www.cttic.org/Opinions/VSegard0809_FR.pdf (accessit: 1 Septembre, 2018).

Steiner G. (1975). *After Babel. Aspects of language and translation*. New York, London: Oxford University Press. 520 p.

Toral A. (2019). Post-editese: an Exacerbated Translationese. *Proceedings of Machine Translation Summit XVII: Research Track*. Vol. 1. Dublin, pp. 273–281.

Trevisa J. (1903). Dialogue between a Lord and a Clerk upon Translation. In *Fifteenth Century Prose and Verse: An English Garner*; introd. A.W. Pollard. Westminster: Archibald Constable, pp. 203–208.

Venuti L. (2019). *Contra Instrumentalism: A Translation Polemic*, Lincoln: University of Nebraska Press.

俞政 (2003) 严复著译研究 苏州市 : 苏州大学出版社 366 p. = Юй Чжэн Янь Фу Чжу И Янь Цзю. Сочинения и переводы Янь Фу. Сучжоу: Изд-во Сучжоуского ун-та, 2003, 366 с.

References

Ageyev A. (2019). Naskol'ko Rossiya podgotovlena k vyzovam XXI veka = How prepared Russia is for the challenges of the 21st century. *Nezavisimaya gazeta*, 14.01.2019 (In Russian).

Ageyev A., Asanova E., Glibenko O., Remizov M., Smirnova V. (2018). K “tsifre” gotov? Otsenka adaptivnosti vysokotekhnologichnogo kompleksa Rossii k realiyam tsifrovoy ekonomiki. Itogovyy doklad = Are you ready for “digital” era? Assessing the adaptability of Russia’s high-tech complex to the realities of the digital economy. Final report. Moscow: Institute for Economic Strategies. 61 p. (In Russian).

Bakhtin M. (2000). *Bakhtin pod maskoy: Freydizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat' I = Bakhtin in disguise: Freudianism. The formal method in literary studies. Marxism and the philosophy of language. Articles*. Moscow: Labirint, 640 p. (In Russian).

Berman A. (1984). *L'Épreuve de l'étranger*. Paris: Editions Gallimard. 313 p.

Boroditskaya M. (2010). Angliyskiye poety-kavalery XVII veka = English cavalier poets of the 17th century. St Petersburg: “Nauka”. 380 p. (In Russian).

Boyd H. (1785). *A Translation of the Inferno of Dante Alighieri in English Verse with Historical Notes, and the Life of Dante, to which is added, a Specimen of a New Translation of the Orlando Furioso of Ariosto*, Dublin: Printed by P. Byrne.

Cadwell P., O'Brien S., & Teixeira C.S. (2018). Resistance and accommodation: Factors for the (non)adoption of machine translation among profes-

sional translators. In *Perspectives*, No. 26, pp. 301–321. Available at: doi: 10.1080/0907676X.2017.1337210 (accessed 1 September 2024).

Cowley A. (1881). Preface to *Pindariques Odes*. In *The Complete Works in Verse and Prose now for the first time collected and edited by The Rev. A.B. Grosart in Two Volumes. Vol II. — Verse and Prose*. Blackburn, Lancashire: Chertsey Worthie's Library, p. 4.

D'Alembert J. (1763) Observations sur l'art de traduire. In *Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie*. Vol. 3. Amsterdam: Zacharie Chatelain & Fils.

Fishbach H. (1992). Translation, the Great Pollinator of Science. In *Babel*, Vol. 38 (4), pp. 193–202.

Frey C.B., Osborne M.A. (2013). The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? September 17, available at: http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (Accessed 1 September 2023).

Frolov V., Iovenko V. (2021). Perevodchiki pod mikroskopom. Yeshche raz o roli perevodchika v perevode i o neobkhodimosti razrabotki kontseptsii perevodchika v perevodovedenii In *Mosty. Zhurnal perevodchikov*. Vol 4, No. 72, pp. 7–15 (In Russian).

Gao J. (2020). Vliianie tsifrovizatsii obshchestva i kul'tury na perevod =The Impact of Digitalization of Culture and Society on Translation, In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriia perevoda*, No. 3, 3–25.

Garbovskii N., Kostikova O. (2019). Intellekt dlia perevoda: iskusstvennyi ili iskusnyi? = Intelligence in Translation: Artful or Artificial? In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriia perevoda*. No. 4, pp. 3–23.

Garbovskiy N. (2016) O perevode = On Translation. Moscow: Forum, 752 p. (In Russian).

Garbovskiy N. (2021) *Teoriya perevoda =Theory of Translation*. Moscow: Moscow University Press, 591 p. (In Russian).

Garbovskiy N., Kostikova O. (2021). *Istoriya perevoda. Praktika, tekhnologii, teorii. Ocherki po istorii perevoda = History of translation. Practices, technologies, theories. Essays on the History of Translation*. Moscow: Moscow University Press. 318 p. (In Russian).

Garbovskiy N., Kostikova O. (2009). Ispoved' Velikogo perevodchika, ili pervyy Yevropeyskiy traktat o perevode = Confessions of a Great Translator, or the first European treatise on translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, No. 3, pp. 3–36 (In Russian).

Goethe J.-W. (1833). *German Romance*. Vol. IV, Edinburgh 1827. In *Goethe's werke*. Vol. 46. Stuttgart, Tübingen: J.C. Cotta.

Guseynov A. (2010). Kak vozmozhna global'naya obshchnost' lyudey? = How is a global community of people possible? In *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy: stanovleniye global'noy kul'tury: X Mezhdunarodnyye Likhachevskiy nauchnyye chteniya = Dialogue of Cultures and Partnership of Civilisations: Becoming a Global Culture Proceedings of X International Likhachov Scientific Conference, May 13–14 2010*. St Petersburg, St Petersburg University of The Humanities and Social Sciences, pp. 61–63 (In Russian).

Heidegger M. (1938). Qu'est-ce que la Métaphysique? Gallimard, Coll. Les Essais. No. 7.

Huang CR., Wang X. (2020) From Faithfulness to Information Quality: On in Translation Studies. In Lim L., Li D. (eds.) Key Issues in Translation Studies in China. New Frontiers in Translation Studies. Springer, Singapore. Available at: https://doi.org/10.1007/978-981-15-5865-8_6 (accessed 30 September 2021).

Hugo V. (2013). Proses philosophiques 1860–1865. Online edition. Starebooks éditions.

Ivanova O., Krivoruchko A., Pogorelaya N. (2015) Aksiologicheskaya paradigma perevoda: k voprosu o sub"yektivnykh i ob"yektivnykh kriteriyakh otsenki kachestva perevoda = The axiological paradigm of translation: the question of subjective and objective criteria for assessing the quality of translation In *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, No. 1–1, p. 1267. EDN VIEVRX (In Russian).

Jakobson R. (1985) O lingvisticheskikh aspektakh perevoda = On Linguistic Aspects of Translation in *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike*. Moscow, pp. 16–24 (In Russian).

Kasavina N. (2019). Tsifrovizatsiya kak predmet mezhdistsiplinarnykh issledovaniy = Digitalisation as a subject of interdisciplinary research. In *Epistemologiya i filosofiya nauki*. Vol. 56. No. 4. pp. 251–259 (In Russian).

Kostikova O. (2016). Evolyutsiya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v istorii perevoda = Evolution of information and communication technologies in the history of translation. In *Rol' sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy v povyshenii kachestva perevoda i razvitiy effektivnykh kommunikatsiy: sbornik materialov konferentsii 26 fevralya 2016*, ed. by A. Pogorelov. St Petersburg: Presidential Library, pp. 75–81 (In Russian).

Kostina A. (2020). Aksiologicheskaya kontseptsiya v gumanitarnykh naukakh. Shkola neokantianstva = The axiological concept in the humanities. The school of neo-Kantianism. In *Uchenyy sovet*. No. 3, available at: <https://panor.ru/articles/aksiologicheskaya-kontseptsiya-v-gumanitarnykh-naukakh-shkola-neokantianstva/35123.html#> (accessed: 05.09.2024) (In Russian).

Kushnina L., Alikina E., Yenbayeva L. (2020). Teoriya perevoda v klassicheskoy i sovremennoy issledovatel'skoy paradigme: ontologiya, metodologiya, aksiologiya = Translation theory in the classical and modern research paradigm: ontology, methodology, axiology. Electronic edition.. Moscow: Flinta, 336 p. (In Russian).

Lee H., Yun S. (2020). How Can We Improve the Codes of Ethics for Translators? In *Babel*, Vol 66, No. 4/5, pp.706–718.

Leibniz G.-W. (1772). Considérations sur les Langues en général & sur la culture de la Langue Allemande en particulier. In *Esprit de Leibniz ou Recueil de pensées choisies sur la religion, la morale, l'histoire, la philosophie, & c. Extraites de toutes ses œuvres Latines et Françaises*. Vol. 2. Lyon: Jean-Marie Bruyset, Imprimeur Libraire. Avec Approbation & Privilège du Roi.

Lektorskiy V. (2010). Globalizatsiya i kul'turnoye raznoobraziye = Globalisation and cultural diversity. In *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy: stanovleniye global'noy kul'tury*. X Mezhdunarodnyye Likhachevskiy nauch-

nyye chteniya, 13–14 maya 2010. St Petersburg: St Petersburg University of The Humanities and Social Sciences, pp. 107–108 (In Russian).

Lektorskiy V. (2012). Mirovoye yedinstvo i kul'turnoye raznoobraziye = World unity and cultural diversity. In *Dialog kul'tur v usloviyakh globalizatsii: XII Mezhdunarodnyye Likhachevskiye nauchnyye chteniya 17–18 May 2012*. Vol. 1. Doklady. Dialogue of cultures in the context of globalization, Proceedings. St Petersburg, St Petersburg University of The Humanities and Social Sciences, pp. 121–124 (In Russian).

Likhachov D. (2022). Izbrannyye trudy po russkoy i mirovoy kul'ture = Selected works on Russian and world culture, A. Zapesotskiy (ed.). St Petersburg, St Petersburg University of The Humanities and Social Sciences, 544 p. (In Russian).

Lomonosov M. (1986). Predisloviye o pol'ze knig tserkovnykh = Preface on the usefulness of the church books. In *Izbrannyye proizvedeniya*. Leningrad: Sovetskiy pisatel', pp. 473–474 (In Russian).

Luksha P., Luksha K., Peskov D., Korichin D. (2014). Atlas novykh professiy. Pervaya redaktsiya = Atlas of New Professions. First edition. Moscow: Agentstvo strategicheskikh initsiativ, 164 p. (In Russian).

Luksha P., Luksha K., Varlamova D., Sudakov D., Peskov D., Korichin D. (2015). Atlas novykh professiy. Vtoraya redaktsiya = Atlas of New Professions. Second edition. Moscow, Agentstvo strategicheskikh initsiativ, 287 p. (In Russian).

Macken L., Prou D., Tezcan A. (2020). Quantifying the effect of machine translation in a high-quality human translation production process. In *Informatics*, Vol. 7, No. 2, available at: <https://doi.org/10.3390/informatics7020012> (accessed 1 September 2024).

Massey G. (2021). Re-framing conceptual metaphor translation research in the age of neural machine translation: Investigating translators' added value with products and processes. In *Training, Language and Culture*, Vol. 5, No 1, pp. 37–56.

Meschonnic H. (2007). *Étique et politique du traduire*. Lagrasse: Éditions Verdier.

Mironov V. (2019). Platon i sovremennaya peshchera big-data = Plato and the modern cave of big-data In *Vestnik of Saint Petersburg University. Filosofiya i konfliktologiya*. No. 1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/platon-i-sovremennaya-peshchera-big-data> (accessed: 05.08.2024) (In Russian).

Mishkurov E., Novikova M. (2020). Teoriya i metodologiya perevoda v kognitivno-germenevticheskom osveshchenii = Cognitive-hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology. Moscow, Flinta, 300 p. (In Russian)

Mishkurov E., Novikova M. (2024) *Perevodimost' — neperevodimost': Byloye i dumy... = Translatibility — Untranslatibility: Yesteryears and Thoughts*. Moscow: Flinta, 248 p. (In Russian).

Montaigne M. (1992). *Opyty*. Izbrannyye proizvedeniya: v 3 vol. Vol. 2. Moscow: Golos, available at: <http://lib.ru/FILOSOOF/MONTEN/monten2.txt> (accessed: 17.11.2023) (In Russian).

Mossop B. (2006). Has Computerization Changed Translation? In *Meta*, Vol.51, No 4, pp. 787–805, available at: <https://doi.org/10.7202/014342ar> (accessed 1 September 2023).

Nabokov V. (1999) Kommentariy k romanu A.S. Pushkina “Yevgeniy Onegin”, perevod s angliyskogo = Commentary on Pushkin’s novel Eugene Onegin, translation from English. St Petersburg, “Iskusstvo”; “Nabokovskiy fond”. 928 p. (In Russian).

Nord Ch. (2005). Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application. 2nd ed. Amsterdam, New York: Rodopi.

Pekelis V. (1986). Tvoi vozmozhnosti, chelovek! = Your possibilities, man! Moscow, Lenand. 312 p. (In Russian).

Rastier F. (2016). Préface. In *Idéologie et traduction*. Sous la direction d’Astrid Guillaume. Paris: L’Harmattan, pp. 5–9.

Richards I.A. (1976 [1953]). Towards a Theory of Translation. In *Studies in Chinese Thought* ed. by A.F.Wright. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Robinson D. (2007). Kak stat’ perevodchikom. Vvedeniye v teoriyu i praktiku perevoda = Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation. Moscow, Kudits-press. 304 p. (In Russian).

Sadovnichiy V. (2021). Razmyshleniya matematika i rektora. Izbrannyye vystupleniya = Reflections of a Mathematician and a Rector. Selected speeches. Moscow: Moscow University Press, 392 p. (In Russian).

Sánchez Trigo, E. (2020). Deontología y traducción: elementos para el análisis de la profesión. In *Meta*, Vol. 65, No. 3, pp. 573–593.

Savory Th. (1957). The Art of Translation. London: Jonathan Cape.

Schlegel A.W. (1884). Vorlesungen über schöne Litteratur und Kunst. Dritter Teil (1803–1804). Geschichte der romantischen Litteratur. Heilbronn: Henninger. 252 p.

Ségard V. (2009). Le traducteur professionnel: une espèce menacée, ou la robotisation du monde, available at: http://www.cttic.org/Opinions/VSegard0809_FR.pdf (Accessed 1 September 2018).

Steiner G. (1975). After Babel. Aspects of language and translation. New York, London: Oxford University Press. 520 p.

Toral A. (2019). Post-editeese: an Exacerbated Translationese. Proceedings of Machine Translation Summit XVII: Research Track. Vol. 1. Dublin, pp. 273–281.

Trevisa J. (1903). Dialogue between a Lord and a Clerk upon Translation. In *Fifteenth Century Prose and Verse: An English Garner*; introd. A.W. Pollard. Westminster: Archibald Constable, pp. 203–208.

Trubetskoy N. (1995). Vavilonskaya bashnya i smesheniye yazykov = The Tower of Babel and the mixing of languages. In *History. Culture. Language*. Moscow: Progress — Unvers, pp. 327–338 (In Russian).

Ushinskiy K. (1950) Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii. Vol. 2 = The human being as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology. Vol. 2. In *Collected Works*. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences Publishing House. 776 p. (In Russian).

Varlanova D., Sudakova M. (2021). Atlas novykh professiy 3.0 = Atlas of New Professions 3.0. Moscow: Al'pina PRO. 472 p. (In Russian).

Venuti L. (2019). *Contra Instrumentalism: A Translation Polemic*, Lincoln: University of Nebraska Press.

Voltaire F.M.A. (2011). *Filosofskiye povesti. Filosofskiye pis'ma. Stat'i iz "Filosofskogo slovarya"* = Philosophical Novels. Philosophical letters. Articles from the "Philosophical Dictionary". Moscow: AST; Astrel, 748 p. (In Russian).

Yu Zheng (2003). *Yan Fu zhu yi yan jiu* = Yan Fu's Writings and Translations. Suzhou: Suzhou daxue chubanshe. 366 p.

Zapesotskiy A. (2022). *Kul'turologiya Dmitriya Likhacheva* = Cultural Studies of Dmitry Likhachev. ed. 3. St Petersburg: St Petersburg University of The Humanities and Social Sciences. 528 p. (In Russian).

Zeynalov G. (2011). *Filosofskoye znachenie kontseptsii ustoychivogo razvitiya* = Philosophical significance of the concept of sustainable development. *In Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye*. No. 1 (5), pp. 51–55 (In Russian).

Hassan H. et al. (2018). *Achieving Human Parity on Automatic Chinese to English News Translation*, In arXiv preprint arXiv:1803.05567. Available at: https://arxiv.org/abs/1803.05567?source=post_page (accessed 30 September 2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Костикова Ольга Игоревна — доцент, кандидат филологических наук, заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; olga.kostikova@list.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Olga I. Kostikova — Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Deputy Director of the Higher School of Translation (Faculty) of Lomonosov Moscow State University; 119991, Moscow, Leninskie gory, Moscow State University, GSP-1, building 1/51; olga.kostikova@list.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.